Г.И. Королев, д.и.н., Москва

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА РУССКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГЕРБОВ XVIII-XIX вв.

Часть старых русских территориальных гербов была посвящена историческим темам. Под историческими мы понимаем те сюжеты, которые были таковыми для создателей гербов, т.е. не были им современными. Основной смысл изучения исторической тематики в геральдике состоит в том, чтобы установить интерес к истории, проявившийся в эмблематической форме.

В нашей геральдике исторические темы стали возникать в XVIII в., следовательно, в одно время с бурным развитием русской исторической науки. В XVIII в. изучению истории придавали значение нравственного долга гражданина, в историческом просвещении видели средство воспитания гражданина. Приведем высказывание о таком понимании общественной роли истории: "Главнейшая наука для *человека* состоит в знании себя, а для *гражданина* в познании его Отечества. Не можем мы детям своим делать лучшего воспитания, как вперяя в них с самых младенческих лет, при подобострастном почитании Всевышнего Существа, пламенную любовь к Отечеству. Но чтоб оное любить, надлежит прежде знать его... Есть многие такие науки, которые нужны только некоторым членам общества при поручаемых им должностях, но знание Отечества важно для всякого чина"[1]. В контексте такого представления о роли исторического знания вполне естественным было обращение к историческим сюжетам в сфере создания гербов, отнюдь не посторонней идеологии. Среди гербов, составленных в XVIII в., были гербы на темы военной истории. Первые два таких герба были утверждены в 1730 г., но основное военно-историческое герботворчество развернулось во последней четверти XVIII в. и продолжалось в XIX в.

В настоящей статье рассматриваются отраженные в гербах события истории войн и военного дела. Постараемся установить, какие события привлекли внимание геральдистов, насколько точны данные в описаниях гербов объяснения их содержания, а, при надобности, и прокомментировать выделенные с помощью эмблем факты.

Древнейшее событие русской истории представлено в гербе Бельска (1845)[2]. В описании герба неопределённо сказано о победах Ярослава Мудрого в 1038 г. Под победами следует понимать удачный поход Ярослава Владимировича на ятвягов, населявших территорию, на который был расположен Бельск, известный с XIII в.

О другом из древнейших событий напоминает герб Козельска (1777), прославившегося героической обороной против Батыевой орды в 1238 г. В описании герба нет даты события. Составленные из крестиков и щитов прямой и косой кресты символизируют воинскую славу православных христиан, червлень щита - пролитую ими кровь и героизм.

Крест и опрокинутый полумесяц в костромском гербе, существовавшем в 1834-1878 гг., надо понимать, не имея указаний в описании, как память

об отражении Костромой нападений казанских татар в XV - первой половине XVI вв. Это символизация не одного, а нескольких событий.

Герб Свияжска ("крепость на реке") с утвержденного в 1730 г. Знамени Свияжского полка[3] позднее перешел на знамя одноименного батальона 1776 г.[4], а затем стал собственно городским гербом (1781). Описания не назвали события. Однако с событием (событиями) этот герб легко связать, если вспомнить, что Свияжск был построен из доставленных на выбранное место готовых частей крепости, послужившей базой русских войск, участвовавших в походе на Казань в 1552 г.

Герб Тобольской губернии (1878) был привязан к тематике XVI в. с помощью изображения в нём "щита Ермака". Очевидно, что этот щит есть знак в память присоединения Западной Сибири в конце XVI в., т. е. события, состоявшего из некоторой суммы событий.

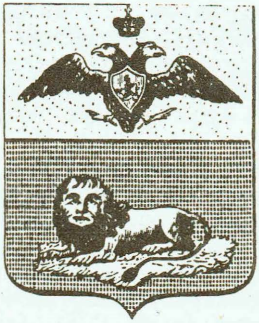
Три герба, посвященных событиям Смутного времени начала XVII в., близки друг другу в том смысле, что их темой является сопротивление русских людей в осажденных монастырях. В гербе Волоколамска (1781, 1883) увековечена оборона Иосифо-Волоцкого монастыря от поляков в 1608-1609 гг. Лишь голод заставил защитников монастыря сдаться.

В боровском гербе (1777) отражен факт захвата Пафнутьева монастыря Лжедимитрием II в 1610 г. Создатели герба опирались на рассказ "Летописи о многих мятежах", опубликованной в 1771 г.[5] Летопись сообщает о захвате монастыря в результате измены двух воевод и о героическом поступке третьего воеводы - князя Михаила Константиновича Волконского, отчество которого в летописи и в описании герба не указано. Волконский отказался присоединиться к изменникам и сражался с нападавшими в дверях церкви внутри монастыря, "изнемог от великих ран, и паде в церкви у крылоса левого". Герб Боровска прославил героизм и верность долгу, как воеводы Волконского, так и других защитников, погибших в монастыре. В описании герба сказано, что изменникам сдали также "град", т. е. Боровскую крепость. Источники не сообщают о захвате крепости, находившейся от монастыря на некотором расстоянии. Имеются, однако, сведения о разорении в том же году неукрепленного посада крымскими татарами. Вполне возможно, что люди Лжедимитрия участвовали в разорении боровского посада.

Герб Сергиева Посада (1883) изображает не только главную достопримечательность свою, но и успешную защиту Троице-Сергиева монастыря против поляков в 1608-1610 гг. В описании событие не названо, но бердыши над монастырской стеной и запертые врата говорят о нем недвусмысленно.

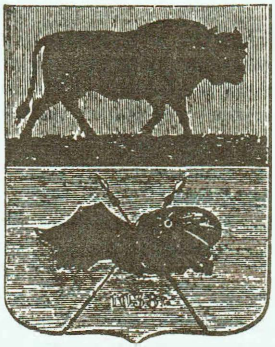
Другие три герба говорят о победе под Полтавой. Гербы Полтавы (1803) и Полтавской губернии (1878) символическим образом обозначают место сражения. Их предшественником был герб на знамя Полтавского полка, составленный из тех же фигур, что и в гербах XIX в., утвержденный дважды в XVIII столетии - в 1730[6] и 1776[7] гг.

Фигура лежащего льва в гербе Бендер (1826), по выражению описания, означала "затруднительное положение" шведского короля Карла XII, который после поражения под Полтавой бежал в турецкие владения и три года прожил в Бендерах. В верхней части герба находится двуглавый орел. Русский орел над шведским львом символизирует превосходство русского оружия над шведским. Образы борющихся орла и льва, фигур государственной

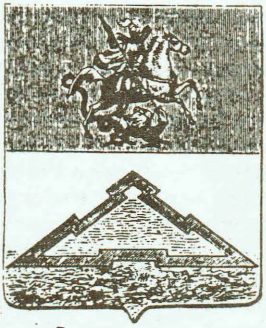


Бендеры.

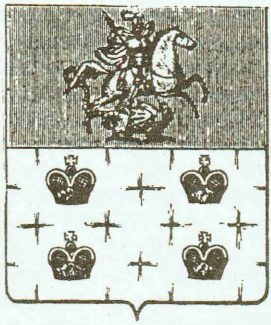
Боровскъ.



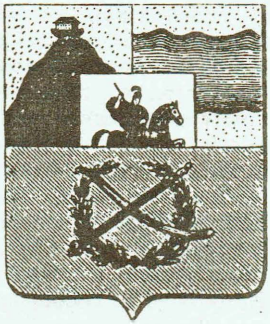
Бѣльскъ.



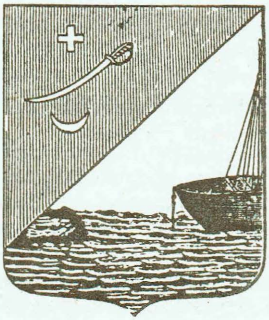
Волоколамскъ.



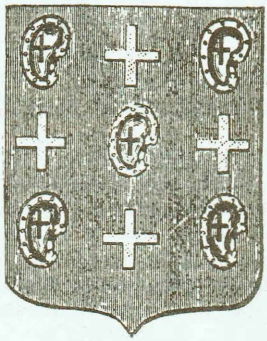
Дмитровъ.



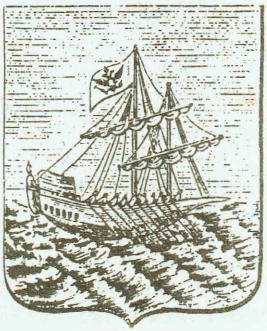
Елизаветполь.



Измаилъ.

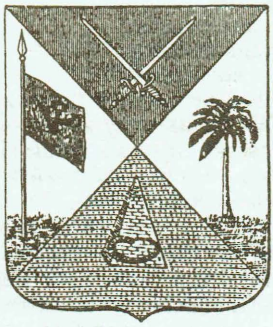


Козельскъ.



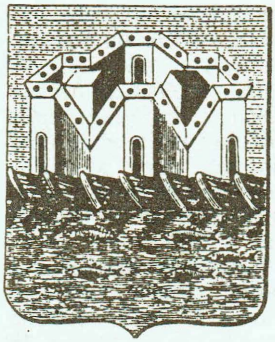
Кострома.

Лихвинъ.

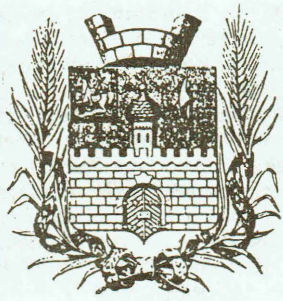


Полтава.

Рига.

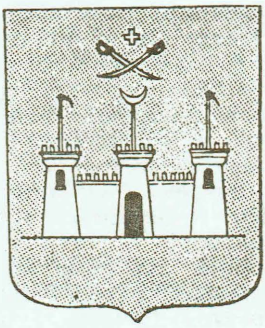


Свіяжскъ.

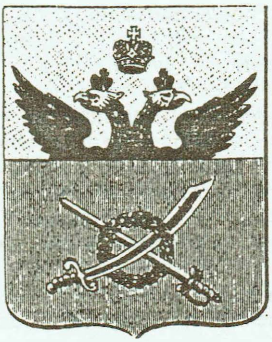


Сергіевскій посадъ.

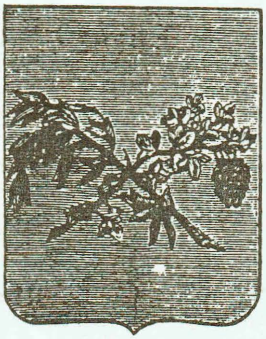
ГЕРБЪ
Тобольской губерніи.



Хотинъ.



Чаусы.



Ялта.

символики, использовались в поэзии XVII в., как аллегории воевавших между собою России и Швеции.

Например:

Орел по солнцу ныне возлетает,
Радость в Россию всем ниспосылает,
Яко сокруши лвово сердце во веки, -
Играйте в трубы, верны человеки![8]

Победе под Полтавой предшествовало выигранное русскими сражение при Лесной 28 сентября 1708 г., на тему которого был создан герб Чаус, города, расположенного недалеко от места битвы (1781). Победа при Лесной существенно повлияла на ход военных действий в 1708-1709 гг.

Из событий русско-турецкой войны 1768-1774 гг. гербами было отмечено две. Согласно описанию, герб Измаила (1826) знаменовал местный порт и сражение при Кагуле. Дата сражения не указана. Не знаю, почему был выбран факт победы П.А. Румянцева при Кагуле 21 июля 1770 г., предварившей первое взятие Измаила - 26 июля того же года под командой фельдмаршала Н.В. Репнина, а не знаменитый суворовский штурм 11 декабря 1790 г., т. е. из времен войны 1787-1791 гг.

В ялтинском гербе (1844) изображена, в частности, лавровая ветвь. Создатели герба придали ей два значения. Одно значение - указание на то, что ялтинская местность единственная в России, где лавр рос "на открытом воздухе". Другое же значение - военно-историческое, память о победе отряда М.И. Кутузова над турками под Алуштой, в период создания герба относившейся к Ялтинскому уезду. В описании сказано, что в этом бою Кутузов "получил знаменитую в истории медицины рану в глаз". Следовательно, факт ранения полководца закреплён гербовой символикой. Это довольно редкий в территориальной геральдике случай прямой мемориализации случая из жизни отдельной личности.

Событиям XIX в. посвящено три герба. Меч, переломленная сабля и лавровый венок в гербе Елизаветполя (1843) были знаком "победы, одержанной российскими войскам над персиянами". Дату победы геральдисты не указали. Близ Елизаветполя русские войска имели успех 28 июля 1805 г., 3 и 13 сентября 1826 г. Особенно значительной была последняя из трех побед, существенно повлиявшая на исход русско-персидской войны 1826-1828 гг. Скорее всего она и имелась в виду. Между 1826 и 1843 гг. промежуток времени невелик, так что елизаветпольский герб был, собственно, ещё не вполне историческим, хотя для составителей герба он может быть таковым. Более значительным временем разделены даты создания ковенского герба (1843) и запечатлённого в нем события - Отечественной войны 1812 г. Помещенный в гербе памятник отметил место, где 12 июня 1812 г. французы переправились через Неман, начав тем самым войну. Надпись на памятнике "На начинающего Бог" подчеркивает, что обозначено именно то место, в котором война началась.

Другой, по крайней мере фактически, "юбилейный" герб был дан Севастополю в 1893 г. Памятными элементами севастопольского герба были выбраны георгиевская лента и знамена с вензелями Николая I и Александра II. О значении этих фигур в описании ничего не сказано, но ясно, что они должны были напоминать о героической Севастопольской обороне в 1854-1855 гг. во время Крымской войны. По утвержденным в 1857 г. правилам описания гербовых украшений георгиевская лента и знамёна

с вензелем царствовавшего во время увековечивавшегося события императора полагались крепостям, отличившимся в борьбе с осаждавшим их неприятелем[9]. Такой крепостью был Севастополь, оборона которого пришлась на конец правления другого царя.

Некоторые гербы из-за неопределенности указаний, сделанных в описаниях, с конкретными событиями, на которые сделаны намеки, увязываются труднее, чем в случае с елизаветпольским гербом. В описании герба Рузы (1781, 1883) сказано, что мечи означают "многие сражения" близ города "в древние времена". Остается гадать насчет "взятия турецкой крепости", которые должен был показывать герб Хотина (1826). "Взятия" были в 1739, 1769, 1788, 1807 гг. Вероятнее 1807 г., однако полной уверенности в этом нет.

С военной тематикой соприкасается содержание герба Дмитрова (1781, 1883). Дмитровский герб, без упоминания в описании даты, напоминал о съезде великого князя Владимирского Андрея Александровича, тверского князя Михаила Ярославича, переславского князя Ивана Дмитриевича и московского князя Даниила Александровича в 1301 г. с целью прекращения междуусобицы. Поскольку предшествовавшие съезду события включали военные действия, то памятная символика дмитровского герба может быть охарактеризована как соприкасающаяся с военной тематикой.

Фигуры ещё нескольких гербов дают повод для чисто предположительных увязок с военной тематикой. В рижском гербе (1730, 1788) старое изображение было дополнено двуглавым орлом, обозначавшим переход города к России. Переход же сей произошел в результате взятия города у шведов 14 июля 1710 г. во время Северной войны. Описания никак не намекают на смысл изображения крепостей в гербах Андижана (1908), Джизака (1910) и Ура-Тюбе (1910). Эти крепости были взяты штурмом во времена войн с Кокандским и Бухарским ханствами в 1866 и 1876 гг.

Специфическое отношение к военно-исторической проблематике имеет герб Лихвина (1777). Лихвинский герб принадлежал к тем эмблемам, символика которых объяснила название гербовладельца. В описании утверждалось, что слово "Лихвин" возникло потому, что "обычай был татарский давать зло знаменующие имена тем городам, которые сильно противу из защищались". Из этимологии названия города было выведено соображение, что помещенный в гербе лев с мечом и щитом показывал "благородство и храбрость тогдашних его жителей, и что защищение сие им несчастно было". Объяснение совершенно неконкретное. Ещё в XIX в. было предположено, что герб был объяснен по аналогии или по смешению рассказа летописей о "злом городе Козельске"[10]. Сходство объяснений козельского и лихвинского гербов действительно заметно. Не опровергая процитированного мнения, приведу известие "Нового летописца" о событиях периода польско-литовской интервенции начала XVII в., когда воевода Федор Стрешнев, выйдя из Лихвинской крепости "не с великими людьми" навстречу вражескому отряду, завязал бой и отогнал неприятеля от города[11]. Возможно, этот факт, а также сведения о том, что упоминаемый с 1565 г. Лихвин в конце XVI в. был значительным пунктом обороны на Лихвинской засечной черте, способствовали появлению упомянутой этимологии. Однако о несчастном "защищении" говорить вроде бы особенно не приходится. Военно-историческое объяснение лихвинского герба можно назвать легендарным.

Похожее и тоже неконкретное объяснение было дано гербу Чуднова (1796): "по удостоверению старожилов город сей существовал ещё около 1500 года и проименован Чудновым по случаю сильной защиты оного малым числом людей от многочисленного татарского нападения".

Всего конкретным событиям военной истории было посвящено 18 гербов: событиям XI - XVI вв. - 6, начала XVII в. - 3, XVIII в. - 6 и XIX в. - 3. Кроме того, 8 гербов соприкасаются с событийной тематикой или носят неопределенный, либо легендарный характер.

Примечания

[1] Из предисловия, предположительно, И.С. Баркова к кн.: Библиотека российская историческая, содержавшая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. СПб., 1767. Ч. I. С. 1-2.

[2] Здесь и далее в скобках указываются даты утверждения, а в ряде случаев и переутверждения гербов. Ссылки на "Полное собрание законов Российской Империи", в т. ч. при цитировании описаний гербов, не даются. Ссылки делаются на иные, нежели ПСЗ, источники.

[3] См. перечень-описание гербов 1730 г.: Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 186. Изображение см.: Историческое описание одежды и вооружения русских войск. СПб., 1899. Ч. 2. Таб. 254.

[4] РГАДА. Ф. 20. Оп. I. Е. х. 269. Л. 10 об.-11. См. также: Историческое описание... Ч. 4. С. 75, Таб. 539.

[5] Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев... СПб., 1771. "Летопись" повторяет рассказ более раннего "Нового летописца". См.: Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 14. С. 98-99.

[6] Описание см.: Лакиер А.Б. Указ. Соч. С. 187; рис. см.: Историческое описание... Ч. 2. Таб. 255.

[7] РГАДА. Ф. 20. Оп. I. Е. х. 269. Л. 9 об. - 10.

[8] Русская силлабическая поэзия XVII - XVIII вв. / Вступит. ст., подг. текста и примеч. А.М. Панченко. Общ. ред. В.А. Адриановой-Перетц. Л., 1970. С. 349.

[9] ПСЗ. 2-е собр. СПб., 1858. Т. 32. С 581. № 32037.

[10] Городские поселения в Российской Империи. СПб., 1861. Т. 2. С. 365.

[11] ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 137.